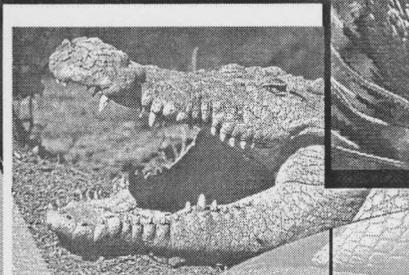
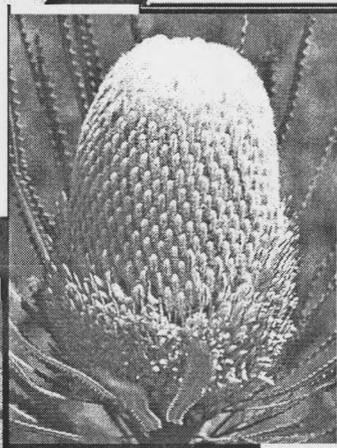
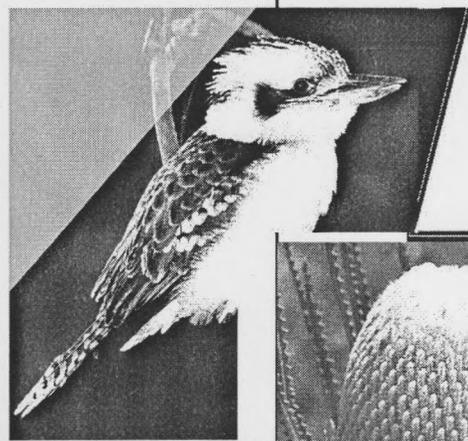

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

8

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Русские в Австралии

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и и кончая сегодняшним временем. В Австралии издано несколько её книг. Особым успехом пользуется книга «Мой темнокожий брат» - о необычайной русско-аборигенской семье Ильиных и их потомках. Недавно на австралийском телеканале SBS появился 2-хсерийный документальный фильм, вдохновлённый этой книгой. Предлагаем рассказ Е. Говор о судьбе ещё одной русской австралийки.

Елена ГОВОР

Элис Чеховски: У времени в плену

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.

Борис Пастернак

8 декабря 1959 года Ричард Вулкот, первый секретарь австралийского посольства в Москве, писал в меморандуме в австралийское министерство иммиграции о необычном визите. К нему обратилась пожилая женщина миссис Эмма Чеховски. «Она говорила на хорошем английском языке, несмотря на свой возраст и на то, что не была в Австралии более 35 лет». Сопровождавшая ее дочь «как кажется, понимала английский, но не могла говорить на нем». Как выяснилось, миссис Чеховски, родившаяся в России в 1895 году, жила в Австралии с 1914 по 1923 год, затем она со своими детьми, родившимися в Австралии, выехала в Советский Союз повидать родных, но когда она попыталась вернуться, советские власти их не выпустили. Она просила репатриировать в Австралию всю их семью – ее дочерей, Джозефину и Алис Бланш, и родившихся уже в Советском Союзе четырех внуков.

Эта просьба поставила австралийцев в трудное положение – Джозефина и Алис, родившиеся в Австралии, технически действительно были австралийскими гражданами, но их мать, свободно говорившая по-английски, не была натурализована в Австралии, а внуки являлись советскими гражданами. Австралийцы сомневались, что советские власти разрешат им выехать, да и сами готовы были принять эту семью, только если они найдут спонсоров в Австралии, которые оплатят их проезд (надо ли говорить,

что у Чеховских, проживших все эти годы в Советском Союзе долларов на перелет в Австралию не было). Миссис Чеховски сообщила секретарю имена своих австралийских друзей и соседей – Мойзенко, мистер и миссис А.Б. Сэвидж и Джон Шоу, – которые, она надеялась, смогут помочь им, хотя она давно потеряла с ними связь.

Австралийцам удалось разыскать только одного человека – Джона Шоу. Он оказался Иваном Шуюповым, бывшим хозяином фруктового магазина. В марте 1919 года, во время бунтов красного флага, когда австралийские фронтовики разгромили в Брисбене русский квартал, его магазин тоже пострадал, хотя он и не поддерживал русских радикалов, возглавляемых «советским» консулом Петром Симоновым. Сейчас ему было за 80, он с трудом припомнил Чеховских, но ничем не мог помочь им.

Австралийское посольство в эти годы хрущевской оттепели проводило операцию «Воссоединение», ходатайствуя перед советскими властями о выезде из Советского Союза лиц, имевших родственников в Австралии. Чеховские не подходили под эту категорию, но был один способ помочь им – репатриировать их как австралийцев, оказавшихся в бедственном положении. Если не мать, то уж Джозефина и Алис имели на это право. Переписка между австралийскими министерствами продолжалась два года и, наконец, в 1961 году, во въезде в Австралию всей семье решено было отказать –

министерство иммиграции сочло, что им лучше остаться в Советском Союзе, ведь в Австралии миссис Чеховски могла стать «обузой» для государства.

Это был последний документ в досье Чеховских. Еще одна история без начала и конца... Сколько их я уже прочитала, работая над историей ранней русской эмиграции в Австралии! Но тут я подумала – а вдруг чудо свершилось и кому-то из них все-таки удалось добраться до Австралии. Интернет, телефонные справочники, и вот в трубке звучит голос Алис Чеховски – именно Алис, а не Алисы Иосифовны Чеховской, как звали ее в Советском Союзе. Да, чудо свершилось – в 1981 году, 58 лет спустя, она вернулась в Австралию, на свою родину. Следом за ней приехала и Джозефина со своей семьей. Только их матери так и не довелось вернуться в Австралию...

Через пару недель я приехала к Алис в Мельбурн. Первое, что поражает в ее маленькой гостиной, – удивительные полотна на стенах. Буйство красок, свобода форм, феерические пейзажи, которые как будто говорят о счастье и свободе. И каким же долгим был путь к этим изысканным картинам от той первой акварельной красочки, – то ли голубой, то ли зеленой, – которую подарил Алис друг ее брата Эдика в голодном Владивостоке 1932 года. Тогда она пыталась нарисовать эту далекую волшебную страну, о которой долгими вечерами рассказывала ей мама...

Но все по порядку, ведь у этой истории есть начало. Послушаем рассказ Алис:

ВЯТКА · СИБИРЬ · ФИДЖИ · САН-ФРАНЦИСКО

«**Б**онифатий и Марфа Платуновы, мои дедушка и бабушка, были уроженцами деревни Янкино, Малмыжского уезда Вятской губернии. В семье было пятеро детей.

Когда русский царь подписал договор с китайским правительством о постройке Китайско-Восточной железной дороги, мой дедушка подрядился на эту стройку. В то время русские губернии имели своих мастеров, одни были кирпичники, каменщики, другие были столяры и т.д., так вот Вятская губерния давала столяров и плотников. И вот дедушка мой отправился туда рабочим.

Кстати сказать, здесь один человек в Сиднее года четыре назад собирал материалы

для истории строителей этой железной дороги. Я говорю:

– Мой дедушка тоже строил дорогу.

– А кто он был?

– Рабочий.

Он засмеялся и говорит:

– Одного рабочего я нашел, все были инженерами.

Маме, – ее звали Татьяной, Эммой она станет позже, – было пять лет, когда они выехали в Сибирь. Они строили дорогу через Байкал, через Уссури, прокладывая ее в тайге. Дедушка как плотник и столяр строил железнодорожные станции, а до этого они укладывали шпалы. Семьи жили в землянках, а рабочие строили дорогу. Продвинулся километров на пять вперед, далеко уже ходить домой стало, они строят новые землянки, переводят туда семьи свои, и дальше строят, опять идут. Мама рассказывала, как они по замерзшему Байкалу прокладывали временную дорогу для перевозки транспорта и, если я не ошибаюсь, паровозы тянули.

Они достроили дорогу до Харбина и переехали в Шанхай. Три года они жили в Шанхае, там дедушка занимался тем, что выращивал свиней, и они продавали мясо. В Шанхае очень много было американских концессий, они начали вербовать рабочих на тростниковые плантации. Завербовали три тысячи русских, и мои дедушка и бабушка со всей семьей тоже завербовались на тростниковые плантации в Папуа, и потом на Фиджи. Вот на этих двух островах моя мама была в детстве».

Тут я не удержалась и перебила Алис. Папуа и Фиджи? Это совершенно неизвестный факт. Я знаю только о вывозе американцами русских с Дальнего Востока на Гавайи в 1907-1910 годах. Но Алис подтверждает:

«Да, мама говорила именно Папуа и Фиджи. У нас фотографии были в детстве, островитяне и у них волосы стоят дыбом – это в Папуа или на Фиджи. Это все потом у нас пропало в Советском Союзе, там это была экзотика. Маме, когда они там жили, еще не было 13 лет. Они работали на тростниках на Фиджи недолго, несколько месяцев. Я спрашивала маму, поскольку в Советском Союзе говорили, что там была эксплуатация, насилие:

– Как вы работали? – Она сказала:

– Конечно, нагаек не было, это все вранье, кушать давали, сколько хочешь, а был присмотр, чтобы не разбегались и работали, чтоб вовремя приходили и во вовремя уходили с работы.

Но работа была, конечно, тяжелая, жаркая работа, не для русских людей. Им было очень трудно, и когда пришел какой-то пароход, они все оставили эту работу и уехали. Когда они уезжали, никто их не задерживал. Мама говорила, что полный корабль нагрузился, и они поехали в Америку, в Калифорнию и попали в Сан-Франциско. На пароходе был такой парень Ванька Нынь, ему было лет 20; мама влюбилась в него, и он ее полюбил, но дедушка не разрешил маме выйти за него замуж. А когда мама вернулась в Россию и работала в железнодорожном депо сверловщицей, там появился его брат. И мама узнала, что Ваня живет во Владивостоке со своей семьей. Так они встретились через много много лет. Он работал в магазине и заходил пару раз к нам в гости, но вскоре его арестовали, хотя он и не был виноват, и он так и умер в тюрьме.

Татьяна (Эмма) Чеховская (ур. Платунова)

В Сан-Франциско мой дедушка определил мою маму, ей было 13 лет, в одну очень хорошую богатую американскую семью. Они из нее хотели сделать бонну для своего будущего ребенка. Но мама не знала английского языка. Для того чтобы она правильно говорила с их будущим ребенком, они ее подготовили, чтобы она знала хороший

английский язык. Не удивительно, что моя мать прекрасно говорила по-английски – у нее было три года хорошего образования и воспитания. Тогда она и взяла имя Эмма. У нее была своя комната и приставленный к ней слуга-китаец. Она не убирала даже свою постель. Только она должна была быть чисто одетой и смотреть за ребенком. И они ее прекрасно научили правильно ухаживать за ребенком, одевать, пеленать и все такое. Когда мои дети росли, моя мама ухаживала за ними так, как ее научили когда-то в детстве в Америке. Эти люди не только ее полностью содержали, но еще платили ей деньги за работу, а дедушка приезжал каждую неделю и забирал эти деньги.

Дедушка же познакомил мою маму с моим будущим отцом. Моего отца звали Иосиф Игнатьевич Чеховский. Отец работал агентом страховой компании в Сан-Франциско. Он говорил по-польски, по-русски, по-литовски и по-английски. Он приехал в Америку, когда ему было 20 лет, и там окончил колледж. Дедушка мой со стороны отца родился в 1806 году, 25 лет он был рекрутом в русской армии. Вернувшись из армии, он женился вторично (его первая жена умерла), его старший сын (от первого брака) был на 20 лет старше моего отца. Мой отец родился, когда дедушке было 78 лет. Отец переписывался со своей матерью на польском языке. Она была очень ревностная католичка, она воспитала отца католиком, наверно дедушка тоже был католиком, но обрусевшим, потому что он служил в русской армии, а отец мой был в католической семинарии, мать надеялась, что он станет священником. Отец окончил семинарию, но не подписал обет безбрачия и вышел в гражданскую жизнь. Он получил в Санкт-Петербурге службу в Морском адмиралтействе казначеем или кассиром. А оттуда он эмигрировал в Америку. В 1904 г. он покинул Россию и приехал в Америку. Политикой мой отец никогда не интересовался, но вот внутренний протест против существующего порядка вещей у него, может быть, и был. Мой отец был свободолюбив, Америка притягивала его именно этим. В Америке он получил хорошее образование уже на английском языке, а он уже хорошо знал латынь, поэтому для него это было не трудно, он работал агентом в страховом обществе.

Через это страховое общество он познакомился с моим дедушкой, и дедушка познакомил его с моей мамой. Мама любила Ваню Ныня, но дедушка хотел, чтобы она вышла замуж за моего отца. Но когда мои

родители поженились в 1911 году, это было в католическом соборе Сан-Франциско, ведь отец мой был католик, а дедушка-то был православный, да еще такой крепкий русский орешек. Он запротестовал, а мать была очень молодая, ей едва исполнилось 17 лет, и мой дедушка заявил в полицию, что его дочь живет вне брака с мужчиной, а против этого был какой-то закон в Америке. Полицейский пришел, родители показали ему брачное свидетельство, тогда власти сказали дедушке, что никакого нарушения закона нет, а он в ответ: «У меня есть свой православный закон». И вот тогда американцы всю семью посадили на пароход и в 24 часа депортировали их из Америки, а мама и отец остались. Дедушке потом несладко пришлось, они жили в деревне на Амуре. Там он охотился на тигров, медведь у них рос дома, пока не вырос и стал опасен, а главное, они занимались рыбной ловлей – ловили кету. Раньше кетой кормили свиней. Дедушка спился потом.

АВСТРАЛИЯ

МАМА и отец тоже вскоре уехали из Америки. Они отправились на Гавайи, в Гонолулу. Мама там очень нравилось, она говорила, что ничего нет прекраснее на земле, чем Гонолулу. Мама устроила там ферму, развела белых мясных кур. Мой отец не мог видеть крови, мама должна была сама резать этих кур и продавать. Это было выгодное дело, мама хотела остаться на Гавайях, но отец не мог вынести эту куриную ферму и не хотел там оставаться. Они прожили там всего два года и отправились в Австралию.

Они ехали через Манилу, Филиппины и Новую Зеландию. Когда мы росли в России, я расспрашивала мать об Австралии и об их жизни. И вот она рассказывала, что когда они остановились в Новой Зеландии, выпал снег и было холодно, и все русские побежали покупать себе пальто. Два дня пароход стоял в Новой Зеландии, а когда они приехали в Сидней, там жарко было, и мама смеялась всегда – на два дня мы купили это пальто, в Австралии оно не нужно. И раз мы с Аллочкой, моей племянницей, она в Брисбене сейчас живет, разговариваем. Я говорю: «Алла, я проверить свою память хочу. Вот в детстве мама говорила, что в Новой Зеландии выпал снег, когда они там были». Она пошла в архив, нашла газету, действительно в Новой Зеландии в это время был снег.

7 июля 1914 г. они приехали в Сидней, но там они были только проездом и

отправились в Брисбен. Отец был образованный человек по сравнению со многими эмигрантами, которые приехали без языка и работали на железных дорогах и в шахтах. Отец знал английский и вскоре по приезде его нанял какой-то лесопромышленник, чтобы отец ему сделал бухгалтерские расчеты по его предприятию. И этот лесопромышленник подарил ему два акра земли за работу. Лес там был вырублен, но остались пни. Мама выжигала пни и варила на них, кочуя со своей кухней от одного пня к другому. Каждый раз ей нужен был новый пень, так она и переходила от пня к пню. Они жили в хибаре из рифленого железа. Отец думал, что они останутся там жить, это было где-то около Брисбена. Он хотел построить там дом, но мама не выдержала всего этого. Она говорит, что было очень жарко и тяжело, а она уже была в положении. Мама упростила отца, и они оставили этот участок и вернулись в Брисбен.

Иосиф и Эмма Чеховски с детьми
Эдуардом и Джозефиной, Брисбен 1919

Они приехали в Австралию в июле, а уже в октябре 1914 родился Эдик, их первый ребенок. Эдик родился в госпитале, Джёса родилась дома в 1916 году, а я родилась в госпитале Леди Бовен, в 1921 году. К тому времени отец уже имел возможность оплатить для матери отдельную комнату в госпитале. Отец не хотел иметь много детей, потому что очень тяжело было, тяжелые были годы.

Он работал трамвайным кондуктором, потом на почте сортировщиком писем, и какое-то время был безработным. Потом они имели магазин, он снабжал этот магазин, а мама там работала. Отец мой терпеть не мог магазины. Он нетерпеливый был человек. А мама как раз была очень покладистая».

Русская газета, выходившая в Брисбене в 1915 году – «Известия Союза русских эмигрантов» – часто помещала на последней странице объявление Осипа Игнатьевича Чеховского, предлагавшего свои услуги в качестве переводчика и агента по продаже земли, ферм и торговых предприятий; его контора также оказывала нотариальные услуги. Такие функции были мало кому по плечу в русской общине Квинсленда, ведь здесь преобладали рабочие и крестьяне, приехавшие на заработки с Дальнего Востока. В массе своей они ехали в Австралию без языка. Чеховские, свободно владевшие английским языком и усвоившие английскую культуру, стали своеобразным мостом между русскими соотечественниками и австралийским обществом.

«К маме в магазин приходили женщины со своими проблемами, и она всегда ходила с ними бесплатно переводчиком к врачу. Они помогали другим русским, но ни в клубы, ни в церковь мои родители не ходили. Они не участвовали в политической жизни, но мама вспоминала, как праздновали первое мая. Это был не политический праздник, хотя они все несли маленькие флажки, когда шли на демонстрацию. Для них это был праздник весны, в нем участвовали все русские, да и не только русские приходили.

Жилая комната в доме Чеховских. Эдик и Джёса играют на шкуре кенгуру. Мать лежит на кровати, за москитной сеткой. Брисбен, 1918.

Но больше всего мои родители общались с британцами. Они легко ассимилировались. Дома в Австралии у нас был только английский язык. Родители между собой говорили только по-английски. Отец бывало с Франей, полькой, « пше пше », но дома – никогда. Мы не знали ни русского, ни польского языка.

Мама вспоминала: «В Брисбене свой Ленин был, Алексей Ленин.¹ Очень бедный человек». Когда отец наш умер, мама отдала ему одежду отца. Кстати, я спрашивала маму, вот вы все говорили, что тяжелая жизнь была, жили бедно и все такое. А сколько костюмов у отца нашего было? Она говорит – «четыре». А Эдик наш вырос в Советском Союзе – он не имел ни одного костюма. Отец мой вообще был денди. Пока мама успеет выкупать и одеть детей и одеться сама, отец все стоит перед зеркалом и меняет галстуки.

Мы жили в южном Брисбене. Дом на сваях с крышей из рифленого железа, наверху мансарда была, спальня родителей, потом была общая комната, где дети могли играть. В Советском Союзе мы жили все скученно в одной маленькой комнатке. Когда мама рассказывала нам о жизни в Брисбене, нам трудно было представить, как это так – спальня отдельная, и для детей еще комната, а там еще столовая, а там еще под домом ванная и прачечная. Еще она говорила, что хотя она стирала белье руками, но для выжимания уже было специальное устройство.

Эдик и Джёса сначала ходили в школу-садик. Потом они только несколько месяцев проучились в школе в Ворвике около Брисбена, где тогда жила мама, до отъезда в Россию в 1923 году.

«СНЕГА, ЧЕРНОГО ХЛЕБА И КИСЛОЙ КАПУСТЫ»

Да, жизнь становилась все труднее, мой отец хотел уехать в Польшу через Дальний Восток и Сибирь, а мама, видимо, хотела по дороге задержаться у своих родственников на Дальнем Востоке. Я его прекрасно понимаю. Его мать еще была жива. Отец хотел на родину. Я же вернулась на родину в

¹ Это был Алексей Армашев, который независимо от В.И.Ленина взял себе такой же псевдоним. После русской революции ему пришлось расплачиваться за грехи своего знаменитого тезки и он, в конце концов, смерил фамилию на Арм. – Е.Г.

Австралию, для меня Австралия – настоящая моя родина. Я много раз думала – отец поляк, мать русская, я австралийка. Как трудно жить таким людям, как я, потому что ты принадлежишь не только одной нации, но всем трем. Для меня это всегда была проблема. Но там еще шла война, и они не могли получить разрешение на выезд. И неожиданно в феврале 1922 году отец мой умер. У него два раза был аппендицит, но он не пошел на операцию, а третий раз аппендикс разлился, начался перитонит, да еще в госпитале он получил двойное воспаление легких и через восемь дней он умер.

Мама осталась одна с тремя маленькими детьми, Эдику было 7 лет, Джёсе – 5, а мне пять с половиной месяцев. Несмотря на это, мама после смерти отца получила пять предложений. Американец, англичанин и русский наперебой предлагали ей свою руку. Она выбрала белоруса. Его звали Николай Антонович Тихевич, по-моему, он был из Могилева. Он натурализовался в Великобритании. С ним она решила во что бы то ни стало вернуться в Россию.

Я маму как-то спросила, когда была уже взрослая: «Мама, чего тебе не хватало в Австралии?» Она говорит, иронически конечно: «Снега, черного хлеба и кислой капусты». Она рассказывала, что среди русских там в Австралии, если кто-то насолил ведерко кислой капусты, то собирались все как на какой-то праздник. Капуста соленая – это была для русского человека необходимость. Она говорила, что белый хлеб там был замечательный, но черного хлеба не было, а русский человек не может жить без черного хлеба...

Да, Николай Тихевич очень любил маму, и она хотела жить с ним, но получилось все совсем по-другому. Мы, трое детей, были британскими подданными, потому что родились в Австралии, и ее не выпускали без британского гражданства. Тогда она вышла замуж за британского подданного, чтобы получить британское гражданство, и выехала с детьми в Россию в 1923 году. Она ведь потом хотела вернуться в Австралию и думала, что британское гражданство поможет. Но настоящим ее мужем был Тихевич, она даже фамилию его носила в России. Когда мы выезжали, она ждала ребенка от него, они думали, что он сможет выехать сразу вслед за ней, но его не выпустили. Он пытался выехать два раза, нанимался машинистом на пароход,

он по профессии был лудильщиком, но его все не выпускали.

ШУБКА ИЗ КЕНГУРУ

А МЫ С МАМОЙ приехали на Дальний Восток к дедушке и бабушке, в деревню в тайге, на Амуре. По-русски мы не говорили, это была первая проблема. Потом мы увидели, что хлеб печется в печке на золе. Такой хлеб мы не едим. И как это так, из одной миски все кушают? А потом – деревянные ложки – как это можно кушать деревянными ложками? Мы к столу не подходим. Поехал дедушка на базар покупать нам отдельные мисочки. Можете поверить, какими мы приехали в Россию? Конечно, мы не понравились дедушке и бабушке. Мы были европейцами. Дедушка и бабушка не приняли нас к своему сердцу, для них мы так и остались чужими.

Когда мы собирались ехать в Россию, мама заказала всем нам шубки из кенгуру, но мой дедушка взял эти шубки, продал на ярмарке и пропил. А мы-то думали, что нам родные помогут... Шубка осталась только у меня, я маленькая была, а детей так хорошо в России не одевали, никому она была не нужна, я ее еще носила в первом классе. Я помню эту шубку из кенгуру до сих пор...

Вскоре мама ушла от дедушки и бабушки, мы не могли жить в деревне. И потом наш дедушка начал пить, все вещи, что мы привезли, он пропил. Мама посадила нас на сани, закрыла сеном и увезла во Владивосток. Даже не во Владивосток сразу, на Амуре строился огромный мост, она поступила туда работать – мыть вагоны; там она получила ревматизм из-за сырости. И у нее родился Юрочка, наш младший братик, сын Николая Тихевича, он уже у нас был русский мальчик. Мы жили в товарном вагоне, в котором примерзали волосы к стенке зимой. Мама работала, а мы, дети, сидели в вагоне. Юрика там у нас воровали два раза. Раз мы сидели в вагоне, кто-то постучал и сказал: «Вам письмо от папы, откройте вагон». Эдик и Джёса открыли вагон, они схватили ребенка, ему было 4 месяца, и унесли. Мама не могла его найти, потом она его через четыре месяца нашла, и они опять его украли. Тогда мама пошла в Хабаровск, в прокуратуру, 10 километров пешком, и прокурор заставил их вернуть ребенка, ему уже было 8 месяцев. Когда мы переехали во Владивосток, я помню, мы жили в каком-то бараке, земляной пол, клопы, нары, печурка какая-то убогая.

Там у нас появились очень хорошие друзья. Федор Михайлович Некрасов был машинистом, а его жена была преподавателем английского языка, но акцент у нее был ужасный. Она дружила с мамой сорок лет, все время пыталась научиться правильному английскому языку от мамы. Они одолжили маме деньги, чтобы вытащить нас из этой нищеты, чтобы мама купила дом и мы не болтались на улице в таких тяжелых условиях. Эта дружба была замечательная и вечная, до смерти.

Но мама все надеялась вернуться в Австралию. В 1925 году ее сестра выехала в Харбин, она нам выслала вызов. Мама решила ехать в Харбин и там добиваться визы в Австралию. Мы уже получили разрешение на выезд из Советского Союза, продали дом и готовы были ехать. И вдруг случился на границе с китайцами или японцами какой-то конфликт, и нас не выпустили. Мы остались на улице, ведь дома у нас больше не было. Дедушка поехал в Шкотово через бухту и купил сруб – там дом какой-то разобрали, сюда привезли и построили. Пять мужиков соседей пришли, сруб поставили, литр водки, хороший обед и дом готов. Домик у нас был очень простой, но мы в нем прожили до отъезда из Владивостока в 1934 году.

Если бы мама могла вернуться обратно в Австралию+, то не было бы проблем, но маму не выпускали. А Николай Тихевич все добивался воссоединения с мамой. Юрику уже было 7 лет, когда Николаю разрешили выехать из Австралии в Советский Союз. Он остановился по дороге в Харбине у тетки моей, мы уже получали посылки и деньги от него через проводников, конфеты я помню, и вот телеграмма – «Встречайте». Мы пришли встречать – его нет. На второй день нет, на третий нет, неделю нет. И все. Через девять месяцев мы получаем письмо «передать Тане», там фотография – он в гробу. И могила. Больше мы ничего о нем не знаем. Что с ним случилось в Харбине, мы так и не узнали».

“TWINKLE, TWINKLE LITTLE STAR”

...**П**ервая Речка, Голубиная Падь, холод и голод начала тридцатых годов – эта была реальность, в которой росла Алиса. Мать одна тянула всю семью, поступив

работать сверловщицей в железнодорожное депо. Предоставленные самим себе и советской школе, дети постепенно забывали язык своей

Татьяна Чеховская/Тихевич во Владивостоке с детьми – Джёсой, Эдиком, Юрой и Алисой, 1927

родины. И все же они не потеряли себя.

«Да, мы оставались необычными, не такими, как все. Когда мы приехали, мы еще лет пять продолжали говорить на английском. Я самая первая научилась говорить по-русски, мама говорила, что я была как обезьянка – повторяла все и по-русски, и по-английски. А потом мама же работала день и ночь, она не могла помочь нам сохранить английский язык. Я не знала английского языка, но понимала многое, что-то осталось у меня в памяти, потому что я слышала его в детстве дома. Кстати, когда я вернулась в Австралию и попала на курсы английского языка, мы учили песенку “Twinkle, twinkle little star”, и вдруг она в моей памяти воскресла. Мне было пять лет, когда мама напевала мне эту песенку, я это забыла, всю жизнь не вспоминала, и тут она ко мне вернулась, с акцентом, со всем, потому что это осталось с детства.

Я бесконечно расспрашивала маму об Австралии. Для меня Австралия это была сказка. Может быть, я и художником стала поэтому. Все эти закаты, все эти бури, грозы, град с куриное яйцо, который убивал лошадей и коров. Мама рассказывала, как они ездили на пикники. Да, у нас была лошадь, Джек. Белая лошадь такая. Она была уже в возрасте, но отец мой страшно любил эту лошадь. После смерти отца мама продала ее, но у новых хозяев Джек отказался есть и через десять дней умер. Двуколка была, я все это знаю по фотографиям, но потом у нас все фотографии пропали. На этой двуколке вся семья, едем на пикник. Еще фотография была – Эдик на

лошади. И дом на сваях. Эта фотография тоже исчезла. Был у нас еще бульдог, его змея укусила и он погиб. Мама вспоминала, как коалы лазили по деревьям, – сколько она нам обо всем этом в детстве рассказывала!

И потом к нам в те годы часто приезжали русские из Австралии. Ведь были такие, которые в начале 30-х годов пытались попасть из Австралии в Россию, они знали, что Татьяна живет во Владивостоке, и все останавливались у нас. Они приезжали, видели голод, и бежали обратно. А голод был страшный, страшный голод был в 1932-33 годах. Вот Щитовы такие жили у нас 8 месяцев. Они сумели выехать обратно. Их было трое, девочка у них была Лилька, моего возраста, 11-летняя. Она мне подарила теплое суконное платье, они сделали ей, когда ехали в Россию. Они возвращались, и она мне его подарила уезжая. Потом у меня в бане во Владивостоке украли его. Я, когда вернулась в Австралию в 1981 году, поехала в Брисбен и искала этих людей. Щитов спился, когда они вернулись. Жена умерла. Лилька вышла замуж в 16 лет, чтобы сменить фамилию, и я ее так и не нашла.

Еще Глушко – очень хороший человек, у него была большая семья, пять детей, а жена была у него страшнойшая неряха, возможно она была психически больная. Он в конце концов решил уничтожить всю семью и убить себя, это они еще жили в Брисбене тогда. Он где-то достал маленький женский пистолетик и начал стрелять. Жена выскочила через окно, и мальчик 17-летний тоже. Одного ребенка он убил. А двухлетнего ранил – пуля прошла около глаза, и он ослеп. Он и себе две пули пустил в лоб, я видела эту дыру. Дело в том, что пистолет был слабый и с близкого расстояния он не пробил свой лоб, не убил себя. Его приговорили к смерти, но русская община, – они знали, как он дошел до такого состояния, – ходатайствовала за него и его не повесили, а посадили в сумасшедший дом. Одиннадцать лет здоровый человек прожил в сумасшедшем доме. Потом русские опять его взяли на поруки из сумасшедшего дома. Он выехал во Владивосток и попал к нам. Он жил у нас год. Это был очень хороший, интересный человек. С Эдиком они мастерили электродвигатель. Потом он уехал в Сибирь, и мы о нем больше ничего не знали.

Блиновы были во Владивостоке. Козлик, тоже у нас был. Полонские оказались в Москве, они там вступили в партию. Сын у них был такой же, как Эдик, и во время войны он погиб».

КАК НАС ЛОМАЛИ

НОВАЯ, советская, реальность приходила через школу. Алис вспоминает:

«Я еще училась у народников, четыре года в школе я училась у учителей, которые остались от царской школы, но и их уже ломали. В первом классе учительница говорит: «Дети поднимите руки, кто верит в Бога». А мы – понимали мы Бога или не понимали, – но мы верили в Бога, потому что бабушка была религиозной, хотя у нас дома икон не было. И я поднимаю руку, и другие дети подняли руки. «Вот вы, кто подняли руку, вы нехорошие дети, вы верите в Бога, вам звездочки не будет. Видишь, какая хорошенькая звездочка октябренка». А звездочка такая эмалированная, красенькая, красивая! Вот она начинает привинчивать звездочки детям, которые не верят в Бога, а мы плачем. И я плакала: «Дайте мне тоже звездочку, я не буду верить в Бога». Мне прикрепили тоже эту звездочку, но верить в Бога мы не перестали – то, что заложено в тебя в детстве, остается с тобой навсегда. Да, учителя были уже ломаные, они обязаны были это делать.

Но были и другие. Голод был. Что мы ели дома – селедку. Мама засаливала сама селедку иваси – четыре бочечки по пуду, чтоб нам прожить зиму. Мама в 6 часов утра уже ушла на работу, а мы с Юрой берем селедочку, кушаем, больше ничего нет. И я даже не умылась, у меня что-то осталось от этой селедки на лице. Я прихожу в школу, учительница меня спрашивает: «Алиса, почему ты не умывалась сегодня?» И знаете, что я сообразила, мне стыдно сказать сейчас: «У нас мыла дома нет». Мне стыдно всю жизнь за это. На другой день я прихожу, а на моей парте лежит кусочек мыла – учительница принесла и положила на мою парту. Она не сказала ни слова. Но я никогда не забыла этого. Это меня воспитало на всю жизнь: Не лги. Я училась у таких людей.

А потом она принесла мне чулки, у меня действительно не было чулок. Вот какая с этим получилась история. У нас в доме был прописан мамин брат Миша, и когда он ушел, он не выписался – была домовая книга такая, из которой надо было выписаться. Я была еще в первом классе, только научилась писать буквы. И вдруг приходит милиционер, а бабушка у нас в гостях была, и он говорит:

- Вот человек у вас прописан. Живет?
- Нет, не живет.
- Где домовая книга?

Бабушка говорит:

– Я не знаю.

А я глупенькая, восемь лет мне, я показала милиционеру – книга лежит на шкафу, вот здесь наверху. Он взял и увидел, что Миша не выписался.

– А почему не выписался? Штраф.

Пишет протокол и говорит бабушке:

– Подпишитесь.

Она говорит:

– Я неграмотная.

Он говорит мне:

– А ты умеешь, девочка, писать?

– Да, я в первом классе.

– Так вот напиши мамину фамилию.

И я, глупый ребенок, написала мамину фамилию. А маме прислали пять рублей штрафа, а она получала, может быть, всего 18 рублей зарплаты, это большой штраф был. И голод. И Алиса сама проявила самостоятельность и такой маме удар нанесла. Я прихожу, а в этот день мне учительница подарила белые женские чулки:

Эдуард Чеховский, 1936

– Мама, посмотри, какой у меня подарок, – а мама стоит с веревкой.

– А ну-ка раздевайся, ты что сделала! – и так отхлестала меня, что у меня синяки целую неделю были. Это еще урок был. Это был хороший урок.

Тяжело, а голод какой был! Мы жили на рыбе. Конечно, и огород у нас свой был. Когда мы собрали этот свой второй домик, у нас огромный был огород. Эдику тогда исполнилось 16 лет, и мама сказала:

– Эдик иди на работу, я не в состоянии больше вас кормить. – А он стал на колени и просит:

– Мама, я буду делать все, что надо, только дай мне получить образование.

И она согласилась. Он обрабатывал огород, он оштукатурил весь дом (дом еще был недостроенный), он пристроил кухню, а ему было всего 16 лет. Он так стремился учиться, но через что ему пройти пришлось...

Эдик уже окончил школу и был студентом-политехником, на втором курсе, а тогда как раз проводили коллективизацию. Его заставили через бухту идти в Шкотово помогать организовывать там колхоз. Он шел, а была полынья, лед разошелся, он не мог пройти десять метров по воде. Он вернулся. «А, ты такой-сякой, ты не выполнил задания» – его исключили из комсомола, исключили из института. Он восемь месяцев боролся и доказал свою правоту, его восстановили, но он уже больше не вступал в комсомол, и мы вскоре уехали из Владивостока.

В 1933 году, когда ему было 18 лет, он уже хорошо знал электричество. На Шестой версте во Владивостоке построили небольшой заводик, и Эдику дали план, где провести нужно электричество. Утром он вышел из дома с этим планом и не взял свой паспорт. И тут на улице его схватили милиционеры, у них уже была какая-то группа людей арестованных, их собрали – и в милицию. А кто-то бежал на работу утром и видел, как Эдика арестовали. Побежали к маме на работу в депо, мама работала сверловщицей. Она бросилась в милицию, в коридоре сидят все задержанные – 30-40 человек, и там Эдик сидит. Эдик говорит:

– Мама мне нужен мой паспорт, меня арестовали, потому что у меня нет паспорта.

Да еще из-за плана, который у него был в кармане, его приняли за шпиона. А второй человек сидел рядом с Эдиком и говорит маме:

– Вы как будете бежать за паспортом, я работаю на мельнице, живу в общежитии, номер комнаты такой-то и кровать моя там около окна, у меня под подушкой паспорт, захватите и мой паспорт.

Мама бегом назад, взяла паспорт Эдика и этого человека, но когда она прибежала в милицию, их уже отправили куда-то за 100 километров от Владивостока. В это время строили Никольск-Уссурийск, в болотах, забирали людей на улицах, кого попало, и туда отправляли. Мама – на работу, а начальник депо был хороший человек, он сразу дает маме паровоз и машиниста – «Гони с нашей работницей в Никольск-Уссурийск!» Специальный паровоз дали! Да, были прекрасные люди. И мама, когда приехала туда, они сидели все на скамейке, и они вот

так, через спины, через руки, передали паспорт моему брату и тому человеку. Их отпустили. И вот мама на паровозе привезла во Владивосток их двоих. А остальных мама уже не могла спасти...

Джэсе было 15 лет уже, у них в школе агитировали детей ехать строить новые города в болотах. Мама Джэсу не пустила, а там Алла Жабровская была, мы запомнили на всю жизнь ее имя, ее родители отпустили, и она так и погибла от цинги и от голода.

Эдик, да и всё его поколение, были энтузиастами, пока их не поломали; он даже стихи писал. А мама – она всю жизнь переживала и страдала оттого, что увезла нас в такие тяжелые условия жизни.

Но было много хороших людей. Замечательная женщина была Анна Ивановна, она работала всю жизнь проводницей во Владивостоке. Мама работала в депо, они хорошо знали друг друга. Бабушка и дедушка в то время уже жили во Владивостоке, с сыновьями своими Мишкой и Ванькой, а когда дедушка запивал, он приходил к нам, в наш дом. Мы уходили к Анне Ивановне на две недели, у нее была маленькая квартирка, но теплая такая, она принимала всю семью туда. А дедушка наш пил один, у него целая четверть водки была. Мы уже потом ходили, разведывали – видим дом наш открытый, дедушки нет, значит можно возвращаться к себе домой. Дедушка умер в 1930 году от белой горячки. А бабушка – я не знаю, она осталась там, когда мы уехали, мама уже больше не общалась со своими родственниками, они не понимали маму, она была им чужая.

«МЕНЯ ЗОВУТ АЛИСА»

В 1934 году мы уехали из Владивостока. Я не могла акклиматизироваться там, я очень была худая, больная, у меня был сухой плеврит и врачи сказали, ее надо вернуть в Австралию, она здесь не приживется. И мама повезла меня в Крым. Через год меня было не узнать, на меня подействовал великолепный климат, мы жили в Массандре около Ялты. По дороге из Владивостока мы заехали в Москву. Мы пошли первым делом к британскому консулу. Посольство было на улице Воровского, тогда еще можно было свободно зайти туда. Консул нас принял, но сказал, что помочь нам всем выехать он не может.

В Ялте мы прожили до войны, за полтора месяца до войны я выехала в Москву».

Крым разбудил в Алисе художника, самоучкой она начала рисовать, сначала акварелью, потом маслом. До сих пор она помнит свой первый пейзаж, который она написала маслом на мешке из-под картошки.

Здесь же она впервые в полной мере осознала, какое клеймо они, дети, родившиеся в Австралии, несут на себе.

«Мое полное имя Алис Бланш. Так назвал меня отец в честь женщины, которой он поклонялся. Ее звали Алис Бланш Сэвидж. Сэвиджи были нашими соседями в Брисбене, ее муж работал с моим отцом водителем трамвая. Однажды мама проснулась ночью и увидела, что у них пылает огонь в окне, она разбудила отца, они схватили ведра, побежали туда и спасли их; и пожар все вместе потушили. Мои родители с ними очень дружили. Когда австралийские власти потребовали в 1959 году, чтобы мы нашли спонсоров в Австралии, мама назвала Сэвиджей, но их разыскать не удалось. И вот меня назвали в честь этой миссис Сэвидж. Если бы я не получила такое имя, я бы, может быть, более незаметно прожила в России.

Знакомишься с мальчиком:

– Меня зовут Володя. А тебя?

– Алиса.

– А что это за имя такое, Алиса?

– Ну, это английское имя.

– А почему это у тебя английское имя?

– Я родилась в Австралии.

– А где это Австралия?

Кто знал, кто не знал. Начинаешь рассказывать. Мальчик назначает свидание. Я приходила честно, а мальчик не приходил. Так один раз, другой, третий, и начинаешь понимать – наверно родители сказали: «Не встречайся с ней». Они пугались, что я австралийка. Но мы никогда не скрывали, что мы из Австралии. А я уже потом проверяла людей, кому я приемлема, а кому нет. Я прямо начинала со своей биографии, и я отсеивала людей таким образом. С кем ты можешь быть, с кем ты не можешь быть. Я научилась отличать людей очень рано. Когда мне встречались интеллигентные люди, они относились с симпатией. А когда мне встречались обыватели, они относились с подозрением. И потом в Советском Союзе научили людей быть подозрительными. Все боялись, многие были арестованы. Никто никому ничего не говорил.

Сколько я себя помню, мы всегда были австралийцами. Я в мечтах своих была австралийкой. Россию мы признавали, это была родина нашей мамы, она вернулась на

свою родину, мы ничего против этого не имели, но себя мы чувствовали австралийцами».

Оставаясь австралийцами, семья Чеховских заплатила советскому молоху дорогую цену – своих двух мальчиков.

«ГДЕ ТВОЙ ОТЕЦ?»

ЭДИК учился хорошо, он был очень способным к наукам, интересовался астрономией, физикой и электричеством. В Ялте он работал электриком на турбинной станции в Массандре. Он очень заботился о нашей семье, для меня и Юры он был как наш отец. Да, для меня он был все – и учитель, и руководитель, все, что может дать самый лучший человек. Когда ему было 22 года, его забрали в армию, до этого у него была отсрочка. Служил он в Севастополе. Незадолго до окончания службы он написал маме, что его вызвал комиссар и спросил:

– Ты родился в Австралии?

– Да.

– А где твой отец?

– Отец умер в Австралии.

– Ты можешь это доказать?

– Да, документы у нас есть, свидетельство о смерти отца.

Комиссар потребовал, чтобы мама прислала документы, и она их выслала. Эдику уже оставалось служить три месяца, и тут письма от него прекратились. В одном из последних писем он писал: «Скоро мой день рождения, я сяду со своим другом и поведу ему историю моей матери, женщины-страдалницы». Потом мы уже всяко думали, может он рассказал это приятелю, а приятеля специально подготовили... Мы ждем, писем нет, потом мама посылает письмо, оно возвращается со штампом на конверте, что он выбыл из армии. И тут кто-то из ялтинских отслужил, зашел к нам и сказал, что Эдик был арестован. Мама стала его искать и узнала, что он был в Симферополе в тюрьме. Мама поехала в Симферополь, ей сказали: «Осужден на 10 лет без права переписки и свиданий». Но охранник посоветовал маме: «Принесите ему теплую одежду, потому что их по этапу отправляют на север». Мама поехала в Ялту за одеждой, и когда она через день привезла ему штаны и стеганую куртку, ей там сказали, что их уже нет. Мы так и не знали – или они уже были расстреляны, или их уже куда-то отправили.

Когда десять лет прошло, мы в Вильнюсе уже жили, мама подала заявление министру МВД СССР, и нас вызвали в КГБ. Мы пришли туда, в комнату, за столом сидит офицер, он сидит, а мама стоит. Он сказал: «Никаких известий о Вашем сыне нет». Мама хотела еще что-то спросить, а он: «Выходите». Мы вышли. Длинный коридор, мы остановились там в недоумении. Через несколько минут идет какой-то другой офицер. Он вызвал нас в ту же самую комнату, там был еще второй стол. Говорит нам:

– Ваш сын жив.

Мама говорит:

– Если жив, почему же не выпускают, ведь 10 лет прошло?

– Значит, получил дополнительно.

– За что и сколько?

– Вы запрашивали, жив или нет, вам сказали – жив. Чего вы еще хотите? Выходите.

И больше ничего. Мы с мамой потом туда ходили несколько раз и все безрезультатно.

В 1956 году, когда уже Хрущев пришел, я отправилась выяснять судьбу Эдика в КГБ в Ленинграде. Стояла очередь, человек 70, тогда все стали подавать заявления. Вызвали меня. Уже совсем была другая обстановка. Салонный столик стоял. «Садитесь, пожалуйста». Были два молодых человека 30-35 лет. Они мне подают бумажку, вроде как присылали во время войны похоронки, точно такая бумажка. Я прочитала и онемела: написано, что Эдуард Иосифович Чеховский умер в 1945 году в лагере для советских заключенных от воспаления легких. Я не понимала ничего, попросила еще раз перечитать, перечитала, и тогда со мной началась истерика. Я на них стала кричать:

– Это вы, вы виноваты! – А он говорит:

– Причем мы, мы уже молодое поколение. – А я сказала:

– Если не вы, так ваша система. – И вышла оттуда.

Они еще сказали, что мать может подавать на пенсию, так как он посмертно реабилитирован. Я рассказала Джэсе и мы договорились маме не говорить. Бог с ней, с этой пенсией, пусть мама думает, что он где-то жив, пусть живет какой-то надеждой. Мама так ничего и не узнала, она умерла в Вильнюсе в 1971 году. В 1993 году, уже в Австралии, я подала письмо австралийскому правительству относительно Эдика. Через три месяца мне ответили, что он был арестован в июле 1938 года, осужден тройкой к высшей мере наказания и расстрелян 20 ноября 1938 года».

Имя Эдуарда Чеховского, австралийского подданного, расстрелянного в застенках КГБ, открывает длинный список имен австралийцев в ГУЛАГе. Я собираю материалы о них и надеюсь рассказать об их судьбах; пока я лишь частично затронула эту тему в последних главах своей книги «Русские антаки в австралийской истории».

«КАКОЙ Я ПИСАТЕЛЬ БУДУ...»

Алиса и Юра

Вскоре пришел черед Юры.

«Когда началась война, Юра рвался на фронт. Он хотел быть писателем и говорил: «Какой я писатель буду, если я не пройду через все это». В конце концов он добился, чтобы его отправили на фронт. Он всего три месяца был на фронте, когда его тяжело ранили в Сухиничах под Калугой. Перед боем он писал нам: «Иду на прорыв». Его тяжело ранили, он был в полевом госпитале и уже стал поправляться, воднимался и с палочкой ходил.

Но тут госпиталь эвакуировали в Калугу, носилки с ним оставили на снегу, это был март 1943, а он еще перед тем отдал раненой девушке свой ватник. Он пролежал так на носилках на снегу целый час, и у него начался

гнойный плеврит. За ним смотрела в госпитале Юлия Васильева, фармацевт из аптеки, она была там как доброволец. Она написала маме: «Юра в тяжелом состоянии, просите разрешения приехать». Она дала свой адрес, так как не могла дать адрес госпиталя. Мама сразу приехала из Москвы. Она застала Юру за четыре дня до смерти. Юра еще раньше писал нам, что он хотел бы маленький кусочек шоколадки. А мы получили шоколад по ленд-лизу, но он взял в рот только маленький кусочек, больше ничего уже не мог есть. Мама была с ним; она как приехала, засучила рукава и взялась помогать медсестрам в палате.

Юра умер, мама очень страдала, ей дали снотворное, чтобы она забылась. Очнувшись, она прибежала в палату – постель была уже пуста, она спросила, где он, а они сказали: «уже понесли на кладбище хоронить», и она побежала туда. Могила еще не была вырыта, Юра лежал на носилках без гроба, и даже не помытый, в окровавленной гимнастерке. Мама закричала: «Я не позволю так его хоронить», ведь их хоронили без гробов, клали по несколько человек в могилу. Они говорят ей: «Ваш сын еще удостоился отдельной могилы». Но мама настояла на своем, его забрали обратно в госпиталь, сделали гроб и хоронили на следующий день. Тогда, она говорит, у него как бы улыбка появилась на лице. На кладбище пришли даже медсестры из госпиталя, военные дали три залпа и уже похоронили как солдата, настоящего. Я пришла на вокзал в Москве, а мама выходит из поезда, и у нее уже седина здесь появилась на висках...

Я всю войну работала в Москве, а когда война кончалась, мне предложили поехать в Германию, работать секретарем-машинисткой в советской военной администрации. И вот она, «проклятая Германия». Я думала, когда ехала туда, что я сама первого попавшегося немца растерзаю на клочки. Но когда я приехала и увидела, что старый немец ковыряется в урне, ищет объедки, которые бросил какой-то советский солдат, или окурок подбирает, у меня, конечно, сердце отошло сразу. Я поняла, кто виноват, и зачем эта война нужна, кому она нужна. Конечно, когда твои братья умирают, когда ты находишься под бомбежками, у тебя естественно появляется ненависть к человеку, который пришел насильно в твой дом. Но когда ты видишь этого человека в несчастье... Я ведь еще воспитана была народниками – лежачего не бьют».

«НЕ СПИ, НЕ СПИ
ХУДОЖНИК...»

Вернувшись из Германии в Союз, Алис работала фотографом и с увлечением занималась живописью. Она оставалась художником-самоучкой, писавшим «в стол», а вернее – на стены своих друзей-художников, которые вывешивали ее картины у себя дома. Это был своеобразный художественный самиздат. Она не боялась быть свободной даже в советских условиях. В тех редких случаях, когда ее картины появлялись на официальных выставках, критики спешили обвинить ее в абстракционизме и модернизме.

Все эти годы они продолжали добиваться возвращения в Австралию. Алис подробно рассказывает обо всех перипетиях этой борьбы – поездках из Литвы, где они поселились после войны, в Москву и визитах в британское, а затем в австралийское посольство, о переписке и об отказах. И, наконец, в 1977 году их настойчивость увенчалась успехом – австралийское посольство признало их гражданами Австралии и выдало им австралийские паспорта. Еще три года ушло на получение разрешения от советских властей на выезд из страны. Сначала их, в духе нравов КГБ того времени, признали иностранными гражданами, но предупредили, что они не имеют права покинуть территорию СССР.

Алис Бланш Чеховски в Вильнюсе

Более того, выдав Алис вид на жительство как иностранке, власти запретили ей выходить за пределы 40-километрового радиуса. Для Алис, жившей в деревне под Вильнюсом, это означало запрет на поездки в город на электричке за продовольствием, отныне она вынуждена была ходить пешком в магазин в ближайшей деревне за 7 километров. Только в 1981 году ей было, наконец,

разрешено покинуть СССР. Джемса выехала несколько лет спустя.

В Австралию Алис отправилась без долгой подготовки – ведь это была ее родина, а дома и стены помогают. С капиталом в 105 долларов и с двумя чемоданами картин она села на самолет в Шереметьево. В Брисбен – город, где когда-то жила ее семья, и куда она устремлялась в мечтах все эти годы – билет ей не дали. В Сидней – тоже, сказали, что туда самолеты не летают. Единственное место, куда она смогла получить билет, был Мельбурн. Так она и оказалась в этом городе. Она вспоминает:

«Австралия пришла ко мне с первого слова на пограничном контроле – на вопрос в декларации «Сколько лет вы не были в Австралии» я написала – 50, надо было бы 58, но я написала 50. Чиновник посмотрел декларацию и мой паспорт и сказал “Oh! Welcome home!” Это было первый раз, когда я ощутила, что я дома».

Но не все было так просто. Как австралийская гражданка Алис не имела права на обучение английскому языку в рамках обучения иммигрантов. Десять лет она ждала пенсию, и ей так и не удалось перевезти в Австралию свою дочь. «Сначала мне Австралия обернулась мачехой, но мне везло на хороших людей», говорит она. В один из первых дней она оказалась в парке за столиком с австралийцами. Обычный в таких случаях вопрос:

– Как Вас зовут?

– Алис.

Тут Алис, имя, из-за которого она столько страдала в Советском Союзе, произвело совсем другое впечатление. Ее приняли как свою, пригласили в гости, стали знакомить с австралийской жизнью.

И конечно, как бы туго ни приходилось, Алис продолжала рисовать. Через несколько лет состоялась ее первая персональная выставка в Австралии. С чувством глубокой благодарности она пригласила на нее мистера Н. Р. Аллансона – австралийского консула, который помог им вернуться на родину.

...Когда я уезжала от Алис, она преподнесла мне царский подарок – серию своих литографий, сделанных в усадьбе Данмучин, принадлежавшей австралийскому художнику Клифтону Пью. ■